

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым. Санкт-Петербург. МДСССXLV. В тип. Губернского правления. Выпуск первый. В 16-ю д. л., 176 стр.

В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. Подобное явление не ново. Хотя из новейших европейских языков немецкий -- язык коренной и самостоятельный, однако в него проникло множество греческих, латинских, французских и итальянских слов. Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд редко удается. Поэтому с новым понятием, которое один берет у другого, он берет и самое слово, выражающее это понятие. В этом действии видна справедливость: как бы в награду за понятие, рожденное народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие. В этом отношении все образованные народы -- должники и вассалы древних греков и римлян, -- и против нравственной зависимости этого рода, столь законной и справедливой, могут вооружаться только умы слабые и мелкие, увлекаемые ложным патриотизмом. Что за дело, какое и чье слово, лишь бы оно верно передавало заключенное в нем понятие! Из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие. Языки голландский и английский всегда были, есть и будут богатейшими для выражения понятий, относящихся к мореплаванию и флоту вообще, так же как итальянский -- для терминов по части искусств, в особенности музыки и живописи; французский -- как язык общества; немецкий -- как язык ученый и, в особенности, философский. Все народы меняются словами и занимают их друг у друга. В Западной Европе, по ее географическому положению, нет предмета, который дал бы понятие о степи, следовательно, нет и слова степь, и оттого во французский язык вошло русское слово *steppe*. Хорошо, когда иностранное понятие само собою переводится русским словом, и это слово, так сказать, само собою *принимается*: тогда нелепо было бы вводить иностранное слово. Но создатель и властелин языка -- народ, общество: что принято ими, то безусловно хорошо; грамотеи должны безусловно покоряться их решению; общество не примет, например, *побудки* вместо *инстинкта* и *сверкальцев* вместо *алмазов* и *брильянтов*¹. Что такое *алмаз* или *брильянт*, -- это знает всякий стекольщик, почти всякий мужик; но что такое *сверкальцы*, -- этого не знает ни один русский человек... Нет ничего смешнее и нелепее книжных слов, столь любимых педантами. Пуристы боятся ненужного наводнения иностранных слов: опасение больше чем неосновательное! Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление. Книжники старой, допетровской России употребляли слово *аер*; но оно и осталось в книгах, потому что в устах народа русское слово *воздух* было ничем не хуже какого-нибудь *аера*. Галломаны писывали: воздух *ондируется*², *имажшиация*, и эти нелепости не удержались. Страж чистоты языка -- не академия, не грамматика, не грамотеи, а дух народа...

Так как, по новости русского образования, новый русский язык еще не установился и, вероятно, долго не установится, то естественно, что в него вдруг вторглось множество иностранных слов. Это обстоятельство делало необходимым словарь таких слов. Наконец такой словарь является. Мы тем более рады ему, что он составлен умно, с знанием дела, словом, столько удовлетворителен, сколько от первого опыта и ожидать нельзя. Есть, конечно, недостатки, так, например, неполнота; нет слов: *грамматика*, *грамота*, -- но, несмотря на то, этот словарь, как первый опыт³, все-таки превосходен. Когда он выйдет вполне, мы еще скажем о нем несколько слов; а пока советуем запасаться им всем и каждому.